

АВТОБИОГРАФИИ П. С. И А. Я. ЕФИМЕНКО

Публикация В. Н. Ильинской

В Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) в специальном фонде известного библиографа и историка русской литературы С. А. Венгерова (1855—1920), собиравшего биографии знаменитых людей для своих энциклопедических изданий, хранятся автобиографические записки двух замечательных людей — ученых-историков и этнографов, мужа и жены, Петра Саввича и Александры Яковлевны Ефименко.¹

Материалы эти С. А. Венгеровым использованы не были. В «Критико-библиографическом словаре»² о П. С. Ефименко и А. Я. Ефименко нет ни слова, а в «Источниках словаря русских писателей»³ после упоминания их имен приведен только далеко не полный перечень принадлежащих им работ. Между тем обе автобиографии представляют большой интерес, так как позволяют судить о формировании политических и научных взглядов русских передовых интеллигентов середины XIX в., современников Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена.

Уроженец Украины, П. С. Ефименко был выслан на русский Север за участие в студенческом революционном движении в начале 60-х годов прошлого века. В Архангельской губернии он развернул собирательскую деятельность, сгруппировав вокруг местного Статистического комитета своих друзей, политических ссыльных, и лучших представителей местной интеллигенции. Результатом этой деятельности был большой сборник «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии»,⁴ где

¹ ИРЛИ, ф. 377 (С. А. Венгерова), 1-е собрание биографий, № 1199—1200.

² Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь, т. 1—6. СПб., 1897—1904.

³ Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. т. 2. СПб., 1900—1917, с. 369.

⁴ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 1—2. М., 1877—1878 (Изв. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (Тр. Этнограф. отд.), 1877, т. 30, кн. 5, вып. 1—2).

представлено подробное описание быта, культуры, верований и обычаев русского северного крестьянина, а также напечатаны (в вып. 2) уникальные тексты произведений устного народного творчества, среди которых наибольшую ценность несомненно имеют былины, — первые записи эпоса в Архангельской губернии. Вслед за П. С. Ефименко такие известные собиратели фольклора, как А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков, открыли в этих краях настоящий «клад» народного творчества. В отличие от этих собирателей, записывавших фольклор только определенного жанра, П. С. Ефименко стремился в своем сборнике дать самое подробное описание жизни и обычаев крестьян Архангельской губернии. В его сборнике было напечатано около 200 текстов заговоров, значительная часть которых вошла в известный сборник А. Н. Майкова,⁵ большое число народных песен, огромный этнографический материал.

Вместе с П. С. Ефименко собирательскую работу на Севере вели его друзья, политические ссыльные: П. П. Чубинский, А. И. Стронин, А. М. Никольский (друг И. А. Худякова), Ф. Харевич, Г. Фризе и др. Оторванные от привычной жизни, от круга друзей и единомышленников, лишённые возможности продолжать политическую борьбу, они нашли в себе силы развернуть большую этнографическую деятельность, собрать богатейший материал о жизни крестьянства, в котором они видели главную революционную силу. Архивные материалы (письма, дневники, донесения полиции) красноречиво свидетельствуют о том, в каких тяжелых условиях приходилось жить и работать этим замечательным людям.⁶

В центре всей собирательской работы в Архангельской губернии в 60-х годах XIX в. стоял П. С. Ефименко, человек разносторонних научных интересов, натура кипучая и живая. Достаточно сказать, что, живя на Севере, П. С. Ефименко состоял одновременно членом Русского географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русского археологического общества и других научных обществ. Его статьи появлялись в то время не только в местной периодической печати, но и в столичных научных журналах.

Собирательскую работу вместе с П. С. Ефименко, а позднее и самостоятельно вела его жена, Александра Яковлевна Ефименко (урожденная Ставровская), местная учительница, впоследствии первая в России женщина — профессор русской истории. В последние годы жизни П. С. Ефименко был тяжело болен, и его жене приходилось не только содержать многочисленное семейство (шестеро детей), но и продолжать дело, начатое мужем на Севере. После окончания срока ссылки супруги Ефименко поселились на Украине, где продолжали вести научную работу. В 1908 г. П. С. Ефименко скончался, а в 1919 г. его жена Александра Яковлевна была убита с дочерью Татьяной бандитами на хуторе Любочка.

Предлагаемые автобиографические заметки (обе — рукой А. Я. Ефименко), написанные живым и ярким языком, будут интересны не только

⁵ Майков А. Н. Сборник великорусских заклинаний. СПб., 1869.

⁶ Архангельский гос. областной архив, ф. 1, оп. 8, № 525 (о А. М. Никольском, П. П. Чубинском, Г. Фризе, Ф. Харевиче и др.); Центральный гос. архив Октябрьской революции, ф. 95, оп. 1, № 56 (о П. П. Чубинском); ГПБ, ф. 752, оп. 1, № 553а (о А. И. Стронине).

историкам, но и широкому кругу читателей. Им предшествует письмо А. Я. Ефименко, адресованное С. А. Венгерову:

Милостивый государь Семен Афанасьевич,

Короткие биографические сведения для энциклопедического словаря (для меня и для мужа моего) переданы Н. П. Василенку по его просьбе. Получив Ваш циркуляр из «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», я вспомнила, что у меня уже несколько лет как лежит автобиография, написанная именно по поводу Вашего обращения. Я написала ее тогда, но мне не хотелось ее посылать. Теперь посылаю также и биографические данные, относящиеся до моего мужа, кот^{орые} я записала под его диктовку. То ли это, что Вам нужно, не имею никакого понятия. Во всяком случае можете в случае надобности пользоваться обеими записками как материалом, находящимся в полном Вашем распоряжении.

Библиография моих работ достаточно полна; но по отношению к критике почти не могу сделать никаких указаний. Когда вышла моя книга, были отзывы в разных изданиях, была статья, помню, в «Вестнике Европы», но точно не помню ничего. Знаю, что моя теория происхождения общины трактуется в курсах истории права, но следить за этим мне никогда не случалось. *Нраб.* Могу сказать одно: из всех моих работ, собранных в издании книг, ценю одну — «Крестьянское землевладение на Севере». Но эту работу ценю серьезно. Думаю, что она внесла новое освещение в историю развития нашей общины, создала почву для примирения тех двух противоположных теорий и враждебных, которые разбивали наших историков права на два непримиримых лагеря: сторонников частной собственности и общинного владения. Мое положение уже вошло в известной степени в обиход русской ученой мысли; но и здесь главная заслуга принадлежит не мне, а тому драгоценному материалу, который раздобыл мой муж в виде веревных крестьянских книг — материала, какого не имел в руках ни один ученый.

Муж мой просит Вам передать, что все лица, упоминающиеся в его автобиографии, уже умершие; что насчет многочисленных отзывов о своих работах он не может сделать никаких указаний; что он прилагает биографию свою, составленную секретарем Харьк^{овского} статистического комитета Касперовым для «Харьковского сборника» в 1878 году. Не откажитесь прислать экземпляр того выпуска, в кот^{ором} будут биографии.

Уважающая Вас А. Ефименко.

17 января 1894 г.

Адрес наш: Харьков, Каплуновская ул., д^{ом} Павлова, 17, Александре Яковлевне Ефименко.

ПЕТР САВВИЧ ЕФИМЕНКО

(автобиографические заметки)

Родился в 1835 г. в Таврической губернии, Бердянского уезда, в одном из хуторов слободы Большого Токмака. Родители мои местного крестьянского происхождения. Отец мой добровольно пошел за брата в солдаты, проявил храбрость в кампании 12-го года, участвовал во взятии Парижа; в солдатах обучился грамоте настолько, что по выходе в отставку мог поступить на службу в полицию, служил сначала писцом, потом становым приставом, заседателем земского суда, наконец, городничим г. Ногайска. Был в свое время очень известен в Таврической губернии по неутомимой энергии и суровости, с какой преследовал гайдамачество и духоборческий самосуд, обусловливавший тайные убийства. Мать моя — женщина очень добрая и тихая, крайне противоположная по нраву отцу, была неграмотна. Детство мое прошло на хуторе, приобретенном отцом около г. Мелитополя. Несмотря на зажиточность, выдвигавшую нашу семью на панское положение, я рос на уединенном хуторе под теми же исключительно воспитательными влияниями, под какими живут крестьянские дети: впечатления природы и хуторской свободы, народные песни и сказки, общество пастухов и батраков. Я не знал другого языка, кроме родного языка моей матери и всех окружающих, т. е. украинского, так что по приближении школьного возраста я стал чаще и чаще слышать от матери: «Треба тобі, сынку, вчиться балакати (говорить) по-паньському». Лет 7-ми я был отведен в сельскую школу в слободу Большой Токмак, затем в г. Симферополе готовился к поступлению в Екатеринославскую гимназию. Здесь прекращается моя связь с деревней, куда я приезжал теперь только на летние каникулы, и мои старые приятели — пастухи — уже говорили мне теперь: «Мы вас не тямимо» (не понимаем).

Таким образом, гимназия разорвала мои связи с родной почвой и ничего не дала взамен в смысле гуманного воспитания. Лишь в 6-м классе попалась мне случайно в руки книга, которая произвела на меня потрясающее впечатление, отразившееся на всей моей дальнейшей жизни: эта книга — «Кобзарь» Шевченко, над которым я пролил потоки слез. Единственно под влиянием этой книги я начал при первом же приезде домой на каникулы записывать народные песни, пословицы, заклинания и пр. Таким образом, вышел из меня самодельный украинский народник и этнограф. Я стал ревностно читать книги по истории, литературе, описанию Малороссии. Эти мои, так сказать, инстинктивные симпатии начали осмысливаться с поступлением в Харьковский университет в 1855 г. В научных моих стремлениях меня очень поддержало участие профессора русской словесности А. М. Мет-

линского, южнорусского этнографа и поэта, который на вступительном же экзамене, спросив меня о происхождении, посоветовал собирать этнографический материал и очень обрадовался, когда узнал, что я это уже сам делаю. На направлении же моей, так сказать, общественной мысли отразился сильно такой факт: мне случилось прожить несколько месяцев в 1855 г. в Мелитополе в то время, как через этот город возвращались остатки крымской армии. В нашем доме останавливались офицеры, крайне недовольные, раздраженные, которые распространяли вокруг себя отрицательное отношение к нашим порядкам и мысль о необходимости крупных реформ. С этих пор я стал отыскивать в университете товарищей, солидарных со мною по взглядам и стремлениям. Сначала я натолкнулся на украинский кружок, во главе которого стоял медик В. М. Нельговский, но кружок этот скоро распался, оставив мне в наследство украинскую библиотеку. Затем, в 1856 г., я сошелся со студентом Я. Н. Бекманом и с ним образовал другого рода кружок. Бекман был au courant тогдашнего общественного брожения, как оно выразилось после крымской кампании: через него я познакомился с письмом Белинского к Гоголю и пр. Наш кружок, которому еще так новы были тайны бытия, счел необходимым дать себе организацию: она была увековечена одним из наших товарищей в своем дневнике. Через три года, когда уже мы все были в разброде, случайно попался в руки начальства этот дневник, из-за чего я и пострадал в числе десяти человек. Это случилось уже после того, как я был вынужден оставить Харьков вследствие участия в студенческих беспорядках по поводу оскорблений студента попечителем Катакози. После того я учился год в Москве, где посещал известный тогда кружок студента П. Рыбникова (будущего известного этнографа) с социалистическо-западническими тенденциями, куда к нам, молодежи, приходили все известные московские славянофилы для дебатов: из них на меня особенное впечатление производил своим энтузиазмом К. С. Аксаков. После Москвы я полтора года странствовал по Малороссии для знакомства с краем, собирая этнографические и исторические материалы, которые печатал в губернских «Черниговских ведомостях», между прочим, жил и в Киеве, где выдвинулись на сцену мои украинские симпатии, которые здесь приводились ярче к сознанию от их столкновения с враждебным национальным элементом, т. е. польским. В конце 1859 г. здесь же в Киеве я был и арестован, отвезен в Петербург, а оттуда через полгода отправлен в ссылку, сначала в Пермскую, а через год в Архангельскую губ(ернию), с обязательством поступления на государственную службу. В Архангельскую губ(ернию) я был переведен потому, что в Перми принимал участие в организации местных элементов, приведенных в брожение подъемом общественной волны, шедшим из центров. В Архангельске, куда меня привезли в 1861 г. из Красноуфимска, я был очень любезно встречен местным губернатором Арендаренком (автором историко-эт-

нографического описания Полтавской губ<ернии>»), который обещал хлопотать о моем освобождении, советовал тем временем в глуши заниматься изучением народной жизни. Я был определен канцелярским служителем сначала в г. Онегу, а затем переведен в г. Холмогоры, где служил писцом при полиции, а потом дворянским заседателем в уездном суде. По закрытии суда жил на средства, отпускаемые казной. Местные губернаторы не раз вызывали меня в Архангельск для отправления обязанностей секретаря Статистического комитета, но вынуждаемы были возвращать меня назад в г. Холмогоры. Так прожил я до 1873 г.

Все продолжительное мое пребывание на Севере я занимался изучением народной жизни, не специализируясь ни на какой отдельной ее стороне, а интересуясь всей совокупностью ее явлений, поскольку они были мне доступны. Таким образом, в круг моих собраний входили материалы и этнографические, и филологические, и исторические, обычно-правовые, экономические. В своих занятиях я находил большую поддержку в П. П. Чубинском, известном этнографе, моем старом товарище, который тоже вынужден был проживать в г. Архангельске, но успел там занять авторитетное положение при губернской администрации, и в редакторе местных губернских ведомостей, известном тогда писателе Н. А. Альбертини. Труды свои я печатал в местных изданиях: «Архангельских губернских ведомостях», с 1865—71 гг. (всего 115 разнородных статей о Севере), в «Памятной книжке Архангельской губ. на 1864 г.» и в «Трудах Архангельского статистического комитета за 1865 г.» (9 статей этнографического характера). Кроме того, Статистическим комитетом изданы отдельно в 1869 г.: «Заволочская чудь» (историко-этнографическое исследование) (стр. 147), «Сборник народных юридических обычаев Арханг<ельской> губ.» (стр. 336). Московское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии издало два больших тома моих материалов по этнографии русского населения Архангельской губ<ернии> (1877—1878 гг., стр. V+221 и X+276). В «Записках императорского Русск<ого> географ<ического> общества по отделению этнографии», 1868 г., т. II, напечатано исследование «О Яриле, языческом божестве русских славян»; 1873 г., т. III, и отдельно, — «Приданое по обычному праву крестьян Арханг<ельской> губ<ернии>»; 1878 г., т. VIII, — «Договор найма пастухов». В «Журнале Мин<истерства> нар<одного> просвещения», 1874 г., № 9, 10, 11, — «Знаки собственности крестьян Арх<ангельской> губ<ернии> (опыт исследования по сравнительному обычному праву)». Кроме того, помещались исследования в «Судебном журнале», 1873 г., № 7 и 8, — «Семья архангельского крестьянина (по обычному праву)»; в «Древностях Московского археологического общества» — разные археологические статейки и известия; «Русская старина», 1875 г., ноябрь, — «Калнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи (его заточение в Соловецком монастыре)».

Когда я был в 1873 г., по ходатайству покойного графа А. С. Уварова, переведен в Воронеж, управляющий местной казенной палатой пригласил меня на должность чиновника особых поручений исключительно для собрания и разработки местных торговых юридических обычаев. Из этих работ были напечатаны в журн(але) «Юридический вестник» «Договор купли-продажи» и «Договор найма купеческих приказчиков» (1880 г., т. IV).

С 1876 г. я уже мог свободно выбирать место жительства и, прослуживши некоторое время секретарем Нижнедевицкого по крестьянским делам присутствия для ознакомления с местным обычным правом и год секретарем губернского Статистического комитета в Самаре, окончательно поселился на юге, сначала в Чернигове, потом в Харькове. В Чернигове служил при земском Статистическом бюро и в редакции «Земского сборника»; здесь написано мною много статей историко- и статистико-экономических и земскохозяйственных, которые печатались в «Особом приложении» к губернским «Ведомостям» (особенно за 1878 г.) и в «Земском сборнике». Еще раньше мои статьи и материалы, касающиеся местного быта, печатались в Черниговских губернских ведомостях» (1858—61 гг.), в журнале «Основа» (1861—62 гг.) и «Черниговском листке» (63 г.). В Харькове я сначала занимался в Харьковской подкомиссии по исследованию железнодорожного дела, потом был уездным земским статистиком, секретарем губернского Статистического комитета и, наконец членом-оценщиком Харьковского отделения дворянского земельного банка.

Мои труды этого периода: «Сборник малорусских заклинаний», изданный Обществом истории и древностей российских (1874 г., стр. VI + 70), статистическо-экономическое исследование (в виде доклада) о движении товаров по Курско-Киевской железной дороге за 5 лет (Харьков, 1880, стр. 78 + XI), систематический свод постановлений Харьковского уездного земства 1865—84 г., изданный уездным земством в 85 г. (стр. 802), «Статистическо-экономическое описание Харьковского уезда», изданное тем же земством (1884 г., стр. 284), исследование кустарных промыслов Сумского уезда, изданное Харьковским губернским земством (1832 г., стр. 112). С 1884 по 87 г. составлял и редактировал «Харьковский календарь», издаваемый Статистическим комитетом, открыв в нем литературно-научный отдел; этот отдел обособил в «Харьковский сборник», литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю на 1887 г.», вып. 1-й. Ряд статей в «Киевской старине» историко-бытового характера (всего 30), из них упоминаю: «Архив малороссийской коллегии при Харьковском университете» (1882 г., № 1), «Один из протестовавших», «Образцы обличительной литературы в Малороссии» (1882 г., № 3), «Глоба, последний писарь войска запорожского» (82 г., № 8), «Ссылные малороссияне в Архангельской губернии». 1708—1802» (82, № 9), «Шпиталь в Малороссии» (83, № 3),

«Административные распоряжения по поводу слухов о кончине мира» (83, № 7), «Упыри» (98, № 8), «Братства и союзы нищих» (83, № 9—10), «Суд над ведьмами» (83, № 11—12), «Откуда взялись запорожцы» (83, № 11), «Библиографический указатель трудов П. П. Чубинского» (84, № 5), «К истории семейных разделов у крестьян» (86, № 3), «Потребность в биографическом словаре южнорусских деятелей» (86, № 4), «Экономические заметки и материалы о старине» (88, № 4), «Из эпохи крестьянской реформы на юге России» (86, № 1). Кроме того, напечатаны такие мои программы: «Программа для собирания сведений о народных суевериях в Южной России» (приложение к № 4 «Известий Географического общества»), «Программа для собирания юридических обычаев» (приложение к «Сборнику юридических обычаев Архангельской губернии», 1869 г.), «Программа для собирания сведений об общинном землевладении» (Петербург, 1878 г., издание журнала «Слово»).

За труды я был избран в члены следующих ученых обществ: императорского Русского географического общества, Московского археологического, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Киевского юридического, летописца Нестора при университете св. Владимира, Харьковского историко-филологического. Имею серебряную и золотые медали от Географического общества.

С огорчением должен прибавить, что многочисленные мои материалы по историко-бытовой жизни крестьянского населения Архангельского севера (начиная с 16 века) сданы мною в Общество естествознания, антропологии и этнографии, где они лежат уже много лет, не удостоиваясь даже опубликования их содержания в «Этнографическом сборнике», а между тем они могли бы пролить свет на разные стороны бытовой истории нашего крестьянства.

**ЕФИМЕНКО АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА,
УРОЖДЕННАЯ СТАВРОВСКАЯ**

(автобиография)

Родилась я 31 мая 1848 г. в Архангельской губ. в селе Кузомени на Терском берегу. Происхождения демократического: мои родные — крестьяне, духовные, чиновники. В то время, как я родилась, отец мой служил становым приставом бывшего Кольского уезда. Но помнить себя я начала в г. Мезени. Впрочем, воспоминания моей мезенской жизни лишь очень отрывочны и смутны. Ясен только их общий колорит, тот суровый колорит, которым окрашено все мое невеселое детство. Что это было — простой ли результат общей болезненности? Влияние ли материальных лишений и суровости семейного обычая? Отражение ли на слабых нервах печальной и грандиозной природы? Или, наконец, та по-

давленность, какой не могла не испытывать детская душа, погружаясь в мрачную северную демонологию, которою питалась она все раннее детство? Последнее выступает в моем сознании наиболее рельефно. Домовые, банные, водяные, лешие, нежити, бабы-яги — составляло мой мир, не менее реальный, чем другой, настоящий, но зато несравненно более обязательный, так сказать, навязывающийся. И как мучительно незащитно чувствовала себя бедная детская душа в этом мире «без света и светил», таком властном и грозном, таком настороженном на зло. Позже все это перешло в крайнюю религиозную экзальтированность, стремление к аскетизму и страданию, сопровождалось галлюцинациями и другими признаками серьезного нервного расстройства, но обращать внимание на все это было некому: нас, детей, в семье было слишком много, а средств, чтобы нас воспитывать, слишком мало.

К тому времени, как пришла пора мне, и в особенности старшему брату, поступить в школу, в нашей семейной судьбе произошла перемена к лучшему. Губернское начальство обратило внимание на совершенно исключительную репутацию моего отца как чиновника, безусловно свободного от подозрений во взяточничестве, и перевело его в Архангельск на место чиновника особых поручений при казенной палате. Я употребила выражение «совершенно исключительную репутацию» — и это точное выражение. Архангельская губерния была в то время губернией дореформенной во всех смыслах. Взятничество — в виде ли прямого вымогательства, в виде ли вещественного изъявления почтения и благодарности — было такой стихией общественных отношений, вне которой нельзя было сделать шагу. По общепринятому и открыто высказывавшемуся убеждению мог не брать взятки только дурак или юридивый. Отец не был дураком, ум его признавался всеми; а юридивым... да, конечно, он и был отчасти юридивым. Он резко отличался от окружающих какой-то неясной, томившей его жаждой света, высшей правды. Отсутствие всяких проблесков в окружавшей его жизни заставило его уйти в себя. Он постоянно что-то обдумывал, что-то писал — после него остались целые вороха исписанной бумаги. Все это постепенно обратилось в страсть к изобретениям, перешедшую, по медицинскому определению, в манию. На мою душевную жизнь влияние его было огромное, главным образом вот какой стороной. Его безусловная честность и бескорыстие на такой должности, где была масса искушений, где он мог приобретать средства легкими уступками требованиям обстоятельств, сделались поводом семейного разлада, борьбы, тянувшейся целые годы и потрясавшей меня до глубины души. Женская половина семьи с бабушкой во главе не могла понять идеальных мотивов его поведения и возмущалась им. Она была по-своему, конечно, права. Отец на своем посту, которому многие завидовали, получал 30 с чем-то рублей месячного жалования. Нас в семье было трое взрослых и шестеро детей, из которых двое старших, я с братом, учились в гимназиях. Как тут

было справиться? Все окружавшее умело изворачиваться и не на таких должностях, выстраивало домики и сколачивало капиталы. А отец хотел быть «лучше людей», и из-за его глупой гордости у детей нет ни одежды, ни учебных книг, нет того, нет другого — разве это не правда? Но против этой правды глубоко возмущалась моя душа, я с болезненной страстностью чувствовала, что настоящая правда на стороне отца. Конечно, мне было очень тяжело и обидно, когда смеялись в школе — пока еще не установилось признание моих способностей и умственного превосходства — над моим безобразным самодельным капором или старой, десять раз перекрашенной и перелицованной шубой. Но мысль о том, что я страдаю из-за отца, из-за того, что он не берет взяток, как другие, всегда доставляла мне какое-то особое острое наслаждение и заставляла забывать боль и обиду. Таким образом, мне неестественно рано пришлось думать об общественных отношениях. Взятничество сделалось для меня, десятилетней девочки, предметом глубокого нравственного отвращения; имена влиятельных чиновников, столпов местного взяточничества, звучали в моих ушах как воплощение всяческого зла и несправедливости, общественного бедствия. Как странно было потом встретиться с каким-нибудь старым советником в отставке и припоминать, как представлял себе в детстве этого смиренного и мизерного старикашку в образе какого-то апокалипсического зверя, возбуждавшего ужас и ненависть за отца, его жертву. Об отце я и не умела иначе думать, как о мученике. Бедный, бедный отец, прости, что я выдам твою печальную тайну, твою первую и последнюю измену заветам всей твоей безупречной страдальческой жизни. Когда брат, мальчик с выдающимися способностями, кончил курс в гимназии, отец взял взаймы у откупного чиновника 50 руб., так как иначе невозможно было отправить сына в университет, и, конечно, это была самая большая жертва счастьем своих детей, какую только он мог принести. Но с тех пор он как-то совсем надломился и уехал вслед за сыном в Петербург — как и зачем, не знаю. Там он увидел, что жертва его была напрасна: брат не вынес всего, чем обставлена жизнь студента, лишенного помощи, и умер. Вслед за ним умер и отец в какой-то больнице, без гроша денег, без знакомой души. . .

Все это случилось уже к тому времени, как я оканчивала курс. Но, прежде чем перейду к следующей эпохе своей жизни, скажу еще несколько слов о тех условиях, под какими шло мое умственное развитие. Я попала в архангельскую гимназию в очень неблагоприятную эпоху — когда она только что формировалась из двухклассного училища. Вышло так, что, оканчивая курс, мы вовсе не учили ни русской истории, ни грамматики, не имели представления ни об алгебре, ни о геометрии, арифметические познания были так необширны и смутны, что, помню, правило вычисления процентов представлялось мне, первой ученице, чем-то непреодолимо трудным. Но зато с тех пор, как себя помню, страсть

к чтению у меня была просто пожирающая. Я с жадностью хваталась за каждый печатный лоскут, перечитывала бесконечное число раз совсем неподходящие книги, за книгу готова была на все. Этот ненормальный характер моей страсти к чтению зависел, конечно, от того, что нельзя было правильно удовлетворять эту страсть. Книг не было дома, негде было их и достать. Позже я стала брать книги из гимназии, и вот тут-то уж я читала, читала, читала. Читала, забывая об отце, умирающем где-то далеко, о крайней домашней нужде, заставляющей нести в заклад необходимые вещи, читала при свете сального огарка, чуть-чуть мерцающего ночника, наконец, просто лучины, притаившись где-нибудь в углу на кухонной печи, читала днем, читала ночью, ежась и дрожа от холода и страха.

15-ти лет я кончила курс и оказалась единственной поддержкой семьи. В следующем же году мне дали место учительницы женского отделения вновь открывшегося двухклассного училища в Холмогорах. Началась новая жизнь.

В самом деле, я точно родилась наново. Казалось, судьба сжалилась над моим детством, таким недетским, таким суровым и пролила на мое существование все, чего оно было лишено до тех пор — свет и радостный трепет жизни. Точно я разом вышла из мрачного подвала на вольный простор ликующего весеннего дня. Конечно, не улучшением лишь внешней обстановки обуславливался подъем жизнерадостной волны, которая подхватила меня. Да и что это было за улучшение? Семья наша из нескольких человек имела на удовлетворение своих нужд лишь двести рублей моего годового жалования, я работала 10—15 часов в сутки, по будням не разрешая себе обыкновенно ни малейшего отдыха или развлечения, жила я в городишке, одном из тех ужасных глухих городишек, где ни один добрый человек не остается жить по своей воле. Но зато у меня было дело, которое я сразу полюбила чрезвычайно, был свой угол, где мне никто не мешал читать и учиться, были книги, и, наконец, самое главное, я уже не чувствовала себя более беспомощной и одинокой. Я видела около себя участие, слышала живое человеческое слово, которое помогало складываться томительным, неясным порываниям мысли в определенные вопросы. Дело в том, что Холмогоры, как и другие городишки Севера, несмотря на свою заброшенность или благодаря ей, оживлялись интеллигентными элементами, которых выбрасывало сюда общественными бурями и непогодами. Все главнейшие моменты в развитии, или брожении, если хотите, нашей общественной мысли давали свои отложения в этих забытых богом углах. Потерпевшие крушение, естественно, независимо от каких-либо тенденций являлись здесь представителями света и поддерживали своим влиянием те слабенькие жизненные ростки, которые пробивались сквозь толстую кору местных почвенных условий. Между этими людьми был и тот, кто позже дал мне свое имя и кому я так безгранично обязана всем направлением моей жизни. Школа отнимала

у меня массу времени. Я не могла ограничиться обязательными часами занятий, удлиняла учебный день, читала, гуляла с девочками. Кроме того, много тратилось на бесплодное блуждание по пустыням теоретической педагогики в поисках за источником живой педагогической воды. Но и для самообразования все-таки оставалось время. Училась я теперь с той же жадностью, с какой читала когда-то — и, к сожалению, почти с тем же отсутствием сознательного, руководящего начала, роль которого играл случай или темное влечение. Чему, чему я не училась! Языки, математика, анатомия, история, логика, физика, ботаника, физиология, философия и т. д. и т. д. — все это мелькало, как в калейдоскопе, и перемалывалось без всяких представлений о цели занятий, о значении и относительной ценности всех этих разнообразных вещей, о правильных приемах изучения, при помощи случайно попавшихся руководств. Много труда, времени, здоровья было таким образом растрачено бесплодно. Но стоит ли жалеть об этом, когда человек был так счастлив чувством своего внутреннего роста, так полон надежды и веры в то, что все это и есть именно то, что нужно? Так промелькнуло 5 лет. Мне минул 21 год; я передала школу и семью сестре и была свободна: я вышла замуж.

Моя литературно-научная деятельность связана с замужеством самым тесным образом. Связь была и материальная, и нравственная. Наше с мужем материальное положение было такое: 8 рублей месячного содержания от казны и никакой, ни малейшей возможности заработка на месте. Немудрено поэтому, что я быстро припомнила, как легко мне всегда давались все стилистические упражнения, — как свободно и ясно я могла объяснять в школе все необходимое. И вот я попробовала писать для «Детского чтения». Живо помню я, как писала «Год лопаря», мой первый литературный опыт. Стояли тридцатиградусные морозы, приходилось все время сидеть в шубе, в валенках и с муфтой, чтобы отогревать оокоченевшие руки. Статью напечатали, заплатили, просили о сотрудничестве; естественно, что я не остановилась на этом первом опыте. Но материальная необходимость — это была одна сторона дела, другая заключалась вот в чем. Муж мой был значительно старше меня и был человеком совершенно сложившимся, с определенными симпатиями и стремлениями. Уже несколько лет, как он систематически занимался изучением разных сторон народной жизни, накопил много материала, наметил дальнейшие пути и работы. Естественно, что я со своей сильной потребностью в умственной работе и привычкой к ней, но без определенных представлений, куда все это направить, примкнула к нему в виде помощницы. Я делала сначала работы более механического характера: составляла словарь местного областного наречия, сборник юридических обычаев северных инородцев, описание архангельских артелей — по материалам, собранным мужем. В то же время я начала себе осмысливать, чего мне не хватает существенного в общем образовании, и начала системати-

чески пополнять важнейшие пробелы. В связи с настроением мысли, господствовавшим в начале 70-х годов, видела эти пробелы главным образом в отсутствии теоретических представлений об экономических явлениях общественной жизни. Таким образом, шло параллельно, с одной стороны, вникание в явления народной жизни, преимущественно обычно-правовые, так как муж в то время собирал материалы в этом направлении, с другой стороны, теоретическая подготовка, работа в направлении осмысливания явлений общественной жизни. Правильной следующей ступенью в развитии явилось стремление приложить общие теоретические положения именно к объяснению явлений народной жизни. Я начала делать попытки: они были приняты в литературе благосклонно. Успех ободряет. И вот, таким образом, явились в свет мои работы по обычному праву. А между тем мы пустились в странствования по России, сначала вынужденные, потом добровольные: жили в Воронеже, Самаре, Чернигове, наконец, поселились в Харькове. Переселение на юг сделало для меня невозможным дальнейшие занятия обычным правом великорусского народа. Я постепенно специализировалась на истории народа южнорусского, главным образом на его бытовой истории, к изучению которой я подготовлена предшествующими занятиями по обычному праву. Окончательную свою цель вижу в том, чтобы написать популярную историю южнорусского народа для интеллигентных читателей. Достигну ли когда-нибудь своей Палестины — бог весть: мне, матери многочисленного семейства, путь рисуется бесконечно длинным...

БИБЛИОГРАФИЯ

Ряд рассказов для детей о Севере в «Детском чтении» с 1870 г. Ряд рассказов об Юге — там же.

В «Сборнике материалов об артелях в России», СПб., 1873—74 г., — «Артели Архангельской губернии» (вып. I-й, стр. 1—76, вып. II-й, стр. 1—174).

В «Записках императорского Русского географического общества по отделению этнографии», 1878, т. VIII, и отдельно, оттиски, — «Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии», стр. 1—232.

Книга из статей, помещенных в «Слове», «Знании», «Русской мысли», «Неделе», под заглавием: Александра Ефименко. Исследования народной жизни, вып. 1-й. Обычное право (Брак. Крестьянская женщина. Семейные разделы. Трудовое начало. Субъективизм в обычном праве. Земледелие на Севере). Москва, 1884, стр. XVI + 382.

В журнале «Слово», 1879—81 гг., — «Южнорусские братства» (историко-этнографический очерк) в 3-х №: «Из истории борьбы малорусского народа с поляками», «Малорусский язык в народной школе».

«Вестник Европы», 1891 г., август, сентябрь, октябрь, — «Малорусское дворянство» (исторический очерк).

«Русская мысль», 1892 г., апрель—май, — «Дворищное землевладение в Южной Руси» (исторический очерк); 1893 г., август—сентябрь, — «Народный суд в Западной Руси».

«Киевская старина»: 1) 1885 г., № 10, — «Конные суды в левобережной Украине»; 3) 1888 г., № 10, — «Двенадцать пунктов Вельяминова»; 6) 1891 г., № 3—4, — «Турбаевская катастрофа»; 5) 1890 г., № 6, — «Бедствия евреев в Южной Руси XVII в.»; 4) 1889 г., № 7, — «Два наместника слободской Украины»; 2) 1886 г., № 12, — «Архиерейский подарок».

«Харьковский календарь на 1885 г.» — «Отход крестьян из Харьковской губернии».

«Харьковский сборник на 1887 г.», вып. 1, — «Старинная одежда и принадлежности домашнего быта слобожан. Страница из истории благоустройства Харькова» (1760—65 гг.).

В газете «Неделя» за разные годы ряд небольших статей и корреспонденций из Чернигова и Харькова. Из них упоминаю о следующих: 1876 г., № 3—5, — «Одна из наших народных особенностей»; 1878 г., № 20—21, — «Литературные силы провинции (В. Б. Антонович)»; 1881 г., № 5, — «Распря из-за обычного права»; № 25 — «По поводу украинофильства»; 1882 г., № 51, — «Обличитель Богдана Хмельницкого»; 1888 г., № 1, — «Славянский мессианизм»; № 36 — «Национализм по Вл. Соловьеву»; 1890 г., № 49, — «Толстовцы».

«Книжки „Недели“», 1894 г., № 1, — «Философ из народа (Г. С. Сковорода)».